

ПАВЕЛ ШУШКАНОВ

ИСТОРИЯ МОЕГО БРАУЗЕРА

Страница из жизни писателя, который
никогда не был писателем

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Павел Шушканов

История моего браузера

«Автор»

2024

Шушканов П.

История моего браузера / П. Шушканов — «Автор», 2024

Не бедный и в общем-то довольный своей жизнью столичный парень, которому немного сорок, приезжает в провинциальный городок, чтобы принять участие в ежегодной традиции по прохождению квеста. Это традиционная игра. Его школьный друг не обременяет себя работой, семьей и имуществом и всю жизнь проводит в путешествиях, походах, поиске впечатлений. Но раз в год он устраивает квест в какой-либо точке мира для старого друга, чтобы тот не заплесневел в своем офисе. И первый пункт в задании - устроиться работать в университет. Но в маленьком городке нет университетов. И главный герой обманом устраивается вести курсы литераторов, ничего в этом не понимая. Но контакта со своими учениками он не находит, хотя литературная и преподавательская жизнь втягивает его все больше. Одновременно он идет по следам в квесте, который оказывается куда сложнее и мрачнее, чем он думал.

Содержание

1	5
2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Павел Шушканов

История моего браузера

1

Есть такое странное существо – аксолотль. Это личинка одной мексиканской рыбешки, которая научилась размножаться, и уже только это принесло ей мировую славу. Просто обычно личинки себя так не ведут. Они много едят и ждут половозрелости, чтобы наконец предаться другим гедонистическим утехам. А тут вдруг такой сюрприз. Наверное, взрослые особи считают их инфантильными мажорами. Я уцепился за эту мысль и улыбнулся про себя. Заодно вспомнил, почему в голову вдруг пришли такие странные мысли. Человек за столом напротив напоминал аксолотля. Его редкие волосы пучками торчали из-за ушей как наружные жабры, а широкий рот и маленькие глаза завершали полную картину сходства. Только очки выбивались из образа – аксолотли не носят очков.

– У вас аквариум пересох, – заметил я.

Аксолотль поправил очки и бросил беглый взгляд в угол, где пылилась мутная стеклянная емкость с желтым ободком ила.

– Это ваза, – буркнул он и вернулся к бумагам. Озадаченно сжюя палец, он переворачивал желтые листки и что-то помечал на них твердым карандашом. Видимо – привычный для него процесс, если за четверть часа ни капли раздражения на лице. Такой же пыльный как аквариум монитор компьютера осуждающе смотрел на него с дальнего угла стола.

– Год уже начался, сами понимаете, – он снова развел руками, шестой раз за всю нашу недолгую беседу. – Ну кем, кем я вас возьму?

Мне было все равно, и я уставился в окно. Там моросил дождь. Мокрые ветки клена пытались влезть в форточку, а за ними – почти лысыми – виднелась крыша огромного для такого маленького городка как Старонавинск здания. Театр или дворец культуры с областным или даже столичным размахом. Может не догнившая старая усадьба. В любом случае, педагогический университет, а точнее его филиал, должен был бы находиться там под этой самой зеленоватой крышей с барельефами, покоящейся на колоннах и пилястрах. Но он ютился в побитом временем и недостатком финансирования трехэтажном здании с нелепой бетонной пристройкой, больше смахивающей на котельную.

Кроме дерева и крыши в окно заглядывало хмурое небо и растяжка с призывом голосовать за мэра. Лицо мэра разъели солнце и дожди. Только черные зрачки и контур округлого подбородка угадывались на неактуальном баннере.

– Простите сердечно, я забыл ваше имя.

– Игнат Сергеевич. Полозов.

Он записал фамилию на листочек и приклеил его на унылый монитор рядом со своей заламинированной визиткой. «Рылин О.В.» – значилось на визитке и уточнялось – «директор филиала». Директор Рылин потер руки, словно заключил небывалую сделку и посмотрел на меня поверх очков.

– У нас нет свободных часов. Ни на одном факультете.

– Печально, – сказал я. – Но может есть другие вакансии?

– Кем? Лаборантом? У вас есть опыт методической работы?

Подобного опыта у меня было, зато была потребность занять любую должность в филиале областного университета. Не то чтобы я этого сильно хотел, просто иного выхода представить не мог. Последние десять минут я давил на жалость, хитрил, интриговал дипломом и некими

навыками, о которых сам имел скудное представление. Разве что не угрожал и не предлагал взятки. Десерт берег напоследок.

– Не претендую на полную занятость и даже на высокую зарплату. Мне бы что-нибудь на первое время, пока обживаюсь в вашем замечательном городе. Ну и так, для души.

– Для души, – повторил директор и глубоко протяжно вздохнул с легкой интонацией участия и искреннего сожаления. – Ничего нет, я же вам говорю. Приехали бы вы на месяцок раньше. А лучше на полгода.

Я виновато пожал плечами.

– Ладно, есть кое-что из дополнительной программы, – движением фокусника он извлек из пухлой стопки мельтешащую таблицами страничку. – Литературное мастерство. Семьдесят два часа. Возьмете?

– Возьму, – заверил я.

– Тогда такой вопрос. Вы филолог?

– Нет. Не филолог.

– Учителем были?

– Не был.

Директор смущенно хмыкнул.

– Высшее образование есть?

– Есть.

– Но не филолог?

Я развел руками. Я говорил не то, что мой собеседник хотел бы слышать и ставил его этим в тупик.

– Этот курс уже очень давно никто не вел, – осторожно начал объяснять он. – Мы каждый год набираем группу, надеясь в тайне, что никто не запишется. И каждый год хоть кто-то находится из желающих, но к занятиям так и не приступаем – вести никто не может или не хочет. В этом году семь человек. В основном с факультета русского языка. Один кажется юрист. Или программист...

– Возьмусь.

– А кто вы по образованию, напомните?

– Я разбираюсь в литературе. Был грешок – пописывал стихи и эссе. Даже печатался однажды в областной газете.

– Так вы писатель! Что же вы сразу не сказали.

В лабиринте разговора померещился яркий белый свет.

– Скромничал, – ответил я.

– Завтра сможете приступить? Мы и так задержались уже почти на месяц. Оформим бумаги позже и зарплатные тоже, если вы готовы подождать.

– Это само собой.

Директор Рылин поднялся чтобы пожать мою руку. Он так и не спросил, зачем мне эта работа, хотя пару раз порывался, судя по тону беседы. Я бы все равно не ответил. Отшутился бы скорее всего.

– Занесите заявление и флюорографию на неделе. Пока достаточно.

Я кивнул.

– Приступите завтра?

Я пообещал.

– Вы яблоки любите? – он кивнул на раскрытый пакет в углу, в котором бледными боками блестели мелкие дачные фрукты.

Яблоки я не любил.

– Тогда до завтра, – он глянул на листок, – Игнат Сергеевич. Хотя, возможно, разми-немся. Занятия на курсе начинаются в шесть вечера. Я уже могу вписать вас в расписание?

– Это само собой.

Вечером накануне было также дождливо и ветрено. Желтый автобус, пыхтя и подпрыгивая на кочках отъехал от остановки, обдав ее клубами дыма и начал медленно карабкаться по размытой грунтовой дороге, оставив меня один на один с городком, обозначенным на карте как Старонавинск. Я поставил дорожную сумку на деревянную лавку под крашенным железным козырьком, осмотрелся и присел рядом. Стоя в грязной луже, наклонив голову и растопырив крылья на меня уставилась любопытная галка.

Что ж, город я себе примерно так и представлял. Точнее не город даже, большой поселок с почтой, какой-то фабрикой и заброшенным храмом. Вот, кстати и он – смотрит наполовину разрушенным куполом поверх низких облезлых домов – то ли очень старых, то ли просто давно не видевших ремонта. Слева высокое строение с колоннами. Вывеску можно было даже не читать – Дом культуры, окруженный россыпью киосков и палаток под железными козырьками. Скорее всего тут до обеда рынок, а потом место сбора бродячих собак, выискивающих среди лотков остатки бутербродов и прочей снеди, шуршащих и рвущих оставленные пустые пакеты и воровато посматривающих на прохожих.

За клубом высокие ворота в лысый осенний парк, из которого на городок медленно наступала темнота. Что ж, ни прогулка в парке, ни Дом культуры мне сейчас ни к чему. Мне бы гостиницу и желательно с настоящим душем, а не шлангом в подвале. Ну или без душа, но с кроватью, на которой наконец-то можно вытянуть ноги. А потом можно открыть письмо и прочесть наконец условия квеста с единственным участником. Я искренне надеялся, что там что-то стоящее и я не зря взял отпуск в разгар работы, да еще и ринулся проводить его в самом глухом месте глухой глуши.

В районных центрах я бывал редко – пару раз с клубом шахматистов на каких-то областных соревнованиях и со студактивом на первом курсе университета в таком же точно клубе читал стихи одного из двух наших областных поэтов. Поэтов у нас было больше, но консервативная культура признавала только двоих, умерших еще до того, как через область проложили первую железную дорогу. Зато с появлением железной дороги количество городков резко пошло в гору. Этот исключением не был. Железнодорожная насыпь скрывалась за низкими холмами и там же пряталась станция, на фотографиях выглядевшая старинным кирпичным зданием, красивым, хоть и маленьким. Но электричек станция не видела давно, только раз в день ранним утром проходил мимо транзитный поезд, мелькали груженные вагоны грузовых составов в течение дня, а поздно вечером и ночью укладываясь за одну положенную минуту торопливо сходили на перрон и запрыгивали в вагоны поезда дальнего следования сонные пассажиры.

Старонавинск районным центром не был. По крайней мере сейчас. О былом величии напоминали только станция, три-четыре красивых старинных здания, огромный парк и гостиница, которая тут все же нашлась. Двухэтажный корпус с деревянными окнами, обклеенный зеленой мозаичной плиткой, встречал россыпью табличек, намекавших, что гостиница почти не используется по прямому назначению. Тут находилась парикмахерская – на желтой вывеске неумело, но вполне узнаваемо были нарисованы большие ножницы; нотариус арендовал кабинет где-то на первом этаже, и синяя стрелка указывала в темноту коридора без лампочек; землемеры; адвокат – скорее всего единственный на город и ремонт обуви заняли остаток крыла. Я вошел в двери, громко и торжественно запахнувшие за мной. Поставил сумку на недавно вымытый пол. Тут было тихо и пусто, только чуть слышно бормотал телевизор в камерке вахтера, впрочем, пустой. Напротив, пристроился большой потертый диван, а над ним щит с уста-

ревшей судя по пожелтевшим листкам информации. В углу сверкал гладкими листьями большой напольный цветок.

От пустого окошка администратора было мало проку. На старом стуле висела вязаная кофта, а на столе красовался журнал, аккуратно разлизанный карандашом и пестревший кучей записей синей ручкой. Сама ручка на проволочной пружинке лежала рядом. И ни звонка, ни колокольчика. Только молчащий телефон и маленький черно-белый телевизор.

– Иду-иду, – невысокая женщина в синем рабочем халате спешила ко мне из глубины коридора, шаркая тапками по линолеуму. Она торопливо что-то дожевывала и подбирая полы халата размещалась за столиком в окне каморки. Ее сухие руки легли на журнал, очки заняли привычное место на переносице, а на меня уставился пучок седых волос, собранных черными «невидимками».

– Вы сдаете? Какой кабинет? Я уж думала, разошлись все давно.

– Нет, я заселиться хочу, – мой голос мне самому показался сухим и каким-то хриплым после нескольких часов полудремы в холодном автобусе.

Вахтер посмотрела на меня с удивлением. Сквозь толстые стекла ее глаза казались большими и глубокими.

– Заселиться. В смысле в гостиницу что ли?

– Верно, – я кивнул на ожидающую меня сумку на полу, полез в карман куртки. Про кредитную и прочие карты можно было забыть, как я понял. Зато отыскалось две тысячных купюры и немного мелочи.

Руки вахтерши судорожно затряслись над журналом, видимо не зная, как меня оформить. Пожалуй, с такими вопросами тут обращались нечасто. Наконец она достала толстую зеленую тетрадь из ящика в столе и долго водила пальцем по строчкам, словно тут предполагался колоссальный выбор номеров и услуг.

– Знаете, у нас гостиница простая, не отель, – извиняющимся голосом сказала она.

Отлично, значит номера все же есть. Не все отдали в аренду под ателье и конторы. Я сделал вид, что согласен на любые предложения, даже только на постель и желательно стакан воды. Можно и теплой.

– Есть комната шесть и комната семь на втором этаже, – уверенно сказала вахтер и потянулась за ключами. Доска с крючками, завешанная на половину, находилась на стене у нее за спиной. Там же висел календарь на давно ушедший в историю год. Видимо был оставлен из-за цветной, хоть и выцветшей картинки.

– А разница между ними есть?

Она развела руками и попросила триста рублей. Видимо не шутила и сдачи с тысячи не имела. Я отыскал в кармане несколько мятых сотен, расплатился за подозрительно дешевый номер.

– Завтрака нет, – строго предупредила сразу ставшая в своих глазах администратором вахтерша, припрятала деньги и кивнула в сторону лестницы. Я подхватил сумку, пожелал доброй ночи и направился к темному пролету, освещенному только фонарем снаружи через большое и плохо закрытое окно.

Я никогда не был в Старонавинске раньше и вряд ли хоть однажды решился бы посетить его, если бы не Артем и его вечные вылазки в такие вот места. Городок непримечательный, к тому же еще и удивительно унылый. Сейчас в разгар осени это впечатление только усугублялось. За стенами гостиницы снова заморосил дождь, а небо – я видел в окно на лестничном пролете – стало темно-синим, почти фиолетовым. Еще четверть часа и на городок опустится ночь. Уже перед дверью номера, выкрашенной в белый как в больничной палате цвет, я вдруг вспомнил, что забыл узнать самое важное. Хлопнул бы себя по лбу и даже вернулся на вахту, если бы не сумка в руках и совершенно темный коридор без намеков на лампочку. Ладно, подождет до утра.

Номер оказался узким с большим окном, занавешенным пыльными шторами. У окна стоял маленький столик с пустым графином и стаканом, а вдоль стены с очень старыми и местами отошедшими обоями вытянулась кровать, тоже узкая, но аккуратно застеленная и накрытая зеленым колючим пледом. Под потолком светила единственной тусклой лампочкой люстра – большая редкость для гостиниц, в которых не приветствуется верхний свет. В номере было прохладно. Пахло пылью, старыми вещами и немного сыростью – видимо от окна. А чего я хотел за триста рублей? Номер люкс с видом на горы?

Довольно быстро я распаковал и раскидал по номеру вещи. Единственную куртку в шкаф, на стол ноутбук и блокнот. Графин убрал, заменив термосом, на дне которого еще плескались остатки теплого и сладкого кофе со сливками – сойдет в качестве ужина. Я долго протирал стакан салфеткой, потом убрал его к графину и налил кофе прямо в колпачок от термоса. Открыл ноутбук и положил рядом телефон с точкой доступа. Что-то мне подсказывало, что идти спрашивать насчет Wi-fi – пустая трата времени и лишний риск сломать обе ноги на лестнице. Душа в номере, разумеется, тоже не было.

Ноутбук неспешно открывал страницу соцсети. К такой медленной скорости интернета он был непривычен, но старался изо всех сил. Я проверил почту, попивая остатки кофе и кутаясь в колючий плед, ответил на сообщения. Пройгнорировал осторожные вопросы с работы далеко ли я нахожусь – отпуск нужно уважать. Далеко ли я? Достаточно, чтобы забыть об офисе еще на две недели. Документы и какие-то отчеты смел с рабочего стола в папку со значком зловонной корзины и шутливой надписью «Сейф для важных дел». Вернулся к соцсети.

Страница Артема у меня всегда была в отдельной вкладке. Белозубое лицо с тонкой бородкой смотрело в камеру со снимка с сильно заваленным горизонтом. За спиной Артема, словно выглядывая из-за воротника-стойки ветровой куртки маячила Пизанская башня. И небо – темно-синее, почти фиолетовое, как тут. Смешной статус под аватаркой. А ниже сухая информация – заходил шесть дней назад.

Я открыл сообщения. Первое было датировано пятым сентября.

«И не отговаривай, дружище. Еду в тур, который назвал Прикладной географией. На готику и барокко Европы насмотрелся. Хочу сельских ДК и памятников вождю. Впереди Верхняя Лужка, Топаль, Зареченск. Бросай свой офис, готовь сапоги, фотоаппарат и термос. Я открываю новый сезон. Квест в этом местечке точно вынесет тебе мозг».

Многообещающе. Впрочем, последние две игры не разочаровали. Если бы Артем взялся за организацию игр профессионально, он бы через полгода ворочал большими деньгами, чем я за десяток удачных сезонов.

Второе сообщение оказалось более длинным, от него веяло эмоциями, особенно счастьем безрассудного и в общем-то беззаботного человека.

«Определился, Игнат. И усадьбы видел посреди болот и лесов. И в подвалы монастыря лазил. В заброшенной деревне ночевал – чуть от страха не помер. Про то как заблудился в лесу и видел кабана расскажу лично. Но все не то. Мелко, понимаешь? Мелко и пошло. Но вот вчера брел по заброшенной железнодорожной ветке и нашел указатель на городок неподалеку. Вроде бы Старонавинск. Что-то слышал о нем, но не помню, что именно. Наверняка жуткие вещи. Прямо внутри что-то зашевелилось – иди, мол, Тема, туда, не пожалеешь. И представляешь, не ошибся. Тут много любопытного, и я, к чему ты уже привык, думаю, за пару дней организовал шикарное приключение. Это будет похлеще прошлого и куда опаснее. Bon&ancon, amiko. Подробности в письме»

К сообщению была прикреплена фотография. Все еще улыбающийся Артем на фоне хмурого неба и низких домов с плоскими крышами. Над крышами возвышалась башня, похожая на водонапорную, но немного больше и без окон в разные стороны света. Она была намного темнее окружающих домов, золотистых тополей и даже затянутого облаками неба.словно ее

нарисовали отдельно или приклеили к снимку. Я раскусил его почти сразу – фото было частью квеста, хотя в письме о нем, думаю, не будет ни слова.

Письмо и письмом, по сути, не было, скорее списком – списком моих действий на ближайшие несколько недель. Вот только идти по ним – это я знал уже наверняка – нужно как по минному полю. Первое сразу бросалось в глаза – устроиться на работу в университет и сделать это до первого октября. Дальше читать не имело пока никакого смысла.

Я засмеялся в полный голос и сильно надавил ладонями на глаза, пока в них не поплыли цветные пятна. Вот так вместо интриги в ушат с помоями. Первый пункт был невыполним по определению и намекал на то, что зря я связался с этой затеей, по крайней мере на этот раз. Какие к черту университеты в этом захолустье? Академия прополки моркови? Высшая школа пилотирования гусеничных тракторов? До первого октября! Я взглянул на календарь – а это, на минуточку, послезавтра.

Нет! План такой – выспаться в этой дыре, оставить Артему записку на вахте с пожеланием идти на хрен и первым автобусом вернуться домой. Заодно согласиться со статусом нытика, слабака и офисного червяка. От осознания последнего меня расперло от злости и на шкале гнева в голове отчетливо нарисовались три стакана виски. Но сосредотачиваться на видении я не стал, вернулся к письму.

«Устроиться на работу в университет. Срок – до первого октября».

Идиот. И шутки идиотские.

Пыльная кровать и плед предлагали не маяться дурью и отложить подбор эпитетов для Артема до утра. Я полагал, что не усну на новом месте в прохладном номере и практически натошак, но проспал как убитый до самого рассвета. Сквозь желтые шторы сочилось утро. Где-то внизу хлопала дверь, а за стеной то и дело пробегали чьи-то торопливые ноги.

Вахтерша еще не успела смениться. Она сонно смотрела на меня, словно вспоминая, а потом еще раз напомнила про отсутствие завтрака.

– Да я помню, – вежливо улыбнулся я. – Просто хотел узнать кое-что. – Я отыскал в телефоне самую удачную фотографию Артема и просунул его в окошко.

Вахтер долго всматривалась в экран, поправляя очки.

– Не видела. Он у нас жил? У нас давно никто комнату не снимал, вы в этом году первый. А что, он жаловался? Или вы из милиции?

– Мы работаем вместе, – еще шире улыбаясь сказал я и дальше соврал стандартную легенду. – Он в ваш город поехал в командировку и давно не отзывается. Беспокоимся.

– Командировки – такое дело, – осуждающе сказала вахтер и мысль не продолжила.

– Скажите, а университеты у вас есть?

Она не ответила, решив, что я утонченно издеваюсь.

Снаружи шумел голыми кронами деревьев ветер, гнал по улицам жухлую листву и мусор. Я втянул носом прохладный сырой воздух, но не почувствовал ни запаха кофе, ни горелого масла из киосков с пирожками ни даже кисловатого намека на присутствие ларька с шаурмой. Ничего такого тут не было. По большой асфальтной площади с грустным памятником среди луж бродили голуби, напротив колыбался флаг над небольшим, но выкрашенным в ярко-желтый цвет зданием администрации. Что-то похожее на магазин пряталось между почтой и давно пустующим помещением с огромными измазанными побелкой окнами и надписью «ремонт».

В магазине скучала продавщица. Она куталась в теплый платок и не обращала на меня никакого внимания. За окном происходили более интересные вещи чем визит покупателя. В сторону парка по пустой дороге между ровными рядами пихт ехал трактор. Ехал неспешно и вальяжно, словно внутри размещалась туристическая группа. Но там сидели двое – собственно водитель в пиджаке поверх теплой кофты и девушка в голубом пальто. И это пальто было тут настолько неуместно, что даже трактор на центральной площади казался чем-то обыденным.

Я пожал плечами. Выбрал внушающую доверие упаковку колбасы для бутербродов, половинку хлеба и много пакетиков кофе.

– Карты принимаете? – без особой надежды спросил я.

Продавщица выразительно взглянула на меня и ответила с легкой обидой что принимает. Потом извлекла из ящика выключенный терминал, долго возилась с проводами и нажимала кнопки. Я тем временем смотрел вслед трактору, почти скрывшемуся в конце аллеи. Девушка в пальто помахала ему рукой, а затем торопливо направилась к почте.

– Еще что-нибудь брать будете?

– Круассаны, – пошутил я.

Передо мной на прилавок шлепнулась разноцветная шуршащая пачка.

Я вышел на бетонное крыльцо. Мелкая морось щекотала лицо, висела еле заметной дымкой над площадью. Возможно, именно тут в этом магазине чуть больше месяца назад Тема покупал те же дешевые полусъедобные круассаны, а потом торопливо семенил по площади, не забывая ловить в объектив камеры кроны огромных деревьев в парке, кучерявые облака, птиц в высоком небе и маленьких, но яростных каменных львов у дверей администрации. Ему и не приходило в голову хоть немного продумывать планы на будущее и маршруты. Прямо с этой площади от памятника, помахав ему рукой, он мог отправиться как на вокзал, так и в гостиницу, а мог и вовсе пойти пешком по шпалам. Но он придумал кое-что получше – набросать сценарий и вынести мне мозг уже первым пунктом.

Я почувствовал что-то вроде раздражения, застегнул куртку, сунул руки в карманы и направился обратно в гостиницу. Шуршащий пакет бил меня по коленкам, подгоняя.

Первый день следовало провести в этом городке наиболее продуктивно. На каждый пункт в чертовом сценарии есть куча подпунктов, туча вариантов и сто тысяч подвохов. Начать следовало с неочевидных вещей – сесть и разобраться что он имел в виду под словом университет и словом октябрь, например. Но сначала завтрак. Пусть и бутербродами с хлебом второй свежести.

Я остановился как вкопанный на углу гостиницы. Справа от меня шевелил ветвями прозрачный парк, а вдали виднелись знакомые здания – низкие и яркие. Не хватало только золотых тополей, но они уже осыпались и стояли такие же голые как деревья в парке. Но все остальное как на фотографии. Перехватив пакет подмышку, я прошел вглубь парка.

Парк был пуст. Под ногами хлюпали раскисшие листья, а в высоте царапали небо острыми ветвями огромные кроны. Чем ближе я подходил к широкой дороге, в которую упирался парк, тем больше убеждался, что это именно то место. Я достал телефон, открыл фотографию. Так и есть. Вот два низких старых дома с колоннами на фасаде и похожее на склад здание с высокой шиферной крышей. Тут было все, каждый кирпичик. Кроме огромной темной водонапорной башни. Она была на снимке, а передо мной – только затянутое облаками небо.

У маленьких городков есть одна особенность. Они – бесконечное дежа вю. Девушка в синем пальто была и тут. Она стояла у парковой скамейки, вжав шею в воротник от холода и уткнувшись подбородком в грудь, ее волосы выбивались из-под шапки каштановыми прядями. Оба ее запястья сжимал руками парень в короткой куртке. Он сидел, откинувшись на спинку лавки и расставив ноги. Из грязных кроссовок торчали бледные тощие щиколотки. Я хотел было свернуть на соседнюю тропинку, чтобы не мешать беседе, но они молчали. Девушка не пыталась вырваться и уйти, а парень не вел себя агрессивно. Значит вмешиваться не стоило, равно как и лезть с расспросами. Тут в глуши своя романтика и флирт.

Я остановился у столба, озираясь. На одном из снимков, которые Тема успел прислать, странную башню видно как раз над парком. Она должна была виднеться среди голых деревьев как раз там, где расположилась парочка, прямо над их головами. Но там только блеклое пустое небо. Я снова сравнил с фотографией. Ошибки быть не могло – вот и ржавое баскетбольное кольцо, прикрученное к старому дереву. Все такое же ржавое и такое же баскетбольное.

– Слыш!

Резкий голос вывел меня из раздумий. Я поискал источник, хотя догадывался откуда он. Голова в сдвинутой на макушку шапке выглядывала из-за синего пальто и хмурила переносицу. Я промолчал. Конфликтов в первый же день в городке не хотелось – они слишком усложнили бы работу по опросу жителей, для которых все еще очень близка и актуальна система «свой-чужой».

Отстанет сам. Ясное же дело – покрасоваться перед девушкой, публично обозначить свою территорию и все такое. Это я понимал, хотя и не уважал. Объяснять что-то и вступать в дискуссии в такой ситуации – совершенно бесполезное дело.

– Ты в другую сторону смотри, – посоветовал парень и угрожающе кивнул головой, вытянув шею. Его острый кадык смотрел прямо на меня.

– Костя, хватит, – тихо сказала девушка не оборачиваясь. Я ее едва расслышал, но понял, что против меня ничего личного она не имела. И скорее всего от демонстрации претензий на территорию порядком устала.

Ладно, это всего лишь подростки, к тому же еще и местные. А если не подростки, то недалеко ушли от них. Я отошел на пару шагов в сторону, снова сверил фотографию с открывающимся видом перед собой. Так даже точнее. И совершенно не подумав о последствиях, поднял телефон и сделал снимок.

– Ты че такое творишь? – парень вскочил со скамейки и размашистым шагом направился ко мне.

Вот теперь точно что-то объяснять и тем более бежать поздно. Я стоял на месте, сунув руки в карманы куртки. Но тут или бить или бежать, как подсказывал мне мозг. Он же понимал, что драться сейчас глупо и угрожать тоже – он просто набросится как собака на хищника не особо думая о последствиях, главное, чтобы не выглядеть слабым. И с такой же легкостью он будет бежать за мной до самой станции, перепрыгивая знакомые с детства ямы и кочки. Будь умнее, черт меня возьми! Можно, конечно, вбить этому тупому мудаку нос между глаз, чтобы торчал только кончик. Руки так и чесались, но чертов запущенный в голове квест показывал развитие событий: будет короткая драка в мою пользу, что не точно, потом звонок в офис с просьбой уладить все через адвоката, обещания участковому больше не появляться в городе, душевные беседы, хрустящие новенькие банкноты в конверте и здоровенный положенный на приключение прибор. А приключение обещало быть легендарным. Будь умнее, идиот!

– Ты че там, девчонку мою фотографируешь. Телефон показал!

– Отойдите, молодой человек, мешаете следствию, – сказал я как можно громче и отстраненнее и снова сделал пару снимков, но уже другой части парка. – Не топчите тут, но не уходите далеко. Мне нужны будут понятие.

Я быстро набрал номер справочной службы, вальяжно попросил Александра Семеновича у несуществующего сонного и туповатого дежурного и сказал, что это срочно. Маскарада надолго не хватит, но время есть. Прижав телефон к уху, я медленно продвигался к выходу из парка, периодически спрашивая, где носит шефа.

Не слишком торопливо шел, чтобы не было похоже на бегство. Периодически оборачивался. Парень некоторое время смотрел мне вслед хмуясь, потом вернулся к лавке. Пытался поймать девушку в пальто за руки, но она спрятала из в карманы.

Что ж, результаты невелики. Пока удалось выяснить только то, что Тема был в этом парке. Как и я, и этот самый Костя с девушкой и тысячи других людей. И судя по местному этикету, университетами тут особо не пахнет. Задал ты мне задачку, друг!

Уже через час я познакомился с аксолотлем. Университет тут все же нашелся. Не каменная Сорбонна и не обтянутый плющом Принстон. Даже не родной технологический институт. Чудом открытый и по недоразумению оставленный жить филиал областного вуза в здании между аптекой и ремонтом обуви с деревянными окнами и крышей коньком. В окнах торчали поломанные глобусы, рулоны карт и плакатов, сложенные в стопки еще до моего рождения тетрадки и отданные на растерзание солнцу.

Факультетов оказалось три и ни один из них никак не подходил к моему диплому. Впрочем, дополнительных указаний Артем не давал. Соврав про свою загадочную писательскую душу и тайную биографию, я получил своих заветных семьдесят два часа. Потом смотрел как поливает чахлые цветы на окнах задумчивая пожилая лаборантка. В ее движениях была угрюмая точность и тоска от необходимости делать это каждую неделю. Она взглянула на меня, прищурившись и перелила воды в гортензию. Потом выругалась через стекло. Что ж, с первым пунктом покончено. На удивление обошлось без серьезного мозгового штурма. Посмотрим, что ты припас дальше, сценарист моего отпуска.

Синее пальто. Мне следовало избегать его впредь, но в Старонавинске, насколько я узнал этот город за минувшие сутки, вообще сложно чего-либо избегать. Я понял вдруг, что в месте, где интернет – все еще технология будущего, мне катастрофически не хватает обычных блокнота и ручки. Девушка в пальто решила, что ей срочно нужны мятные конфеты. Я стоял позади нее и пытался, не слишком шумно вдыхая уловить запах духов. Чистое любопытство. Я слишком много общался с девушками в больших городах и совершенно забыл, что в маленьких они тоже бывают. У них явно есть духи, помада и какие-то представления о моде. По крайней мере это пальто очень неплохо выглядит и сидит на ней.

Девушка была ниже меня почти на голову. Она терпеливо ждала, пока полужнакомая уже продавщица перестанет копать под прилавком. Я слышал, как она тихо сопит заложенным носом и постукивает ногтем по стеклянной витрине. В отражении она заметила меня, взглянула прямо в глаза. Я торопливо сунул руки в карманы и подул себе за воротник – принял скучающий вид, как я это себе представлял.

Получив наконец конфеты, она уступила мне место. Я выбрал самый толстый и самый страшный блокнот с какой-то областной достопримечательностью и дешевую ручку. Расплатившись, обернулся. Девушки уже не было.

– Без сдачи поищите, – попросила продавец.

На улице меня окликнул незнакомый и тихий голос. Не по имени, конечно. Просто лаконичным «простите». Я обернулся.

– Вы правда из полиции?

Слегка вздернутый нос, маленький подбородок, неаккуратно подведенные дешевой тушью ресницы. Она смотрела на меня слегка шурясь и ждала ответа, пряча руки в карманах синего пальто. В ее глазах искрились солнце и молодость, но еще там витала тень какой-то глубокой ледяной печали. Соврать ей сходу, как привык делать за свои прожитые четыре десятка, я не смог.

– Веду кое-какое расследование, – уклончиво ответил я.

– Если что – это не он. Не Костя.

Я невольно нахмурился.

– Рад за него. А вы о чем?

– Недавно разбили окно и прокололи колеса заезжей машине из области возле парка. Он ни при чем, он со мной был.

– Ясно, – серьезно кивнул я. – Но это не мое дело. Я тут по совершенно другому вопросу. Она поджала губы, еще немного постояла молча, разглядывая меня.

– Простите, – наконец тихо сказала она, шмыгнув носом и побежала вниз по ступеням.

Я окликнул ее почти сразу, плохо представляя себе, что я делаю. Но в этом городе у меня не так много знакомых.

– Как вас зовут?

– Полина, – осторожно ответила она.

– Полина. Наверное, вы могли бы мне помочь. Только давайте отойдем с прохода куда-нибудь, – я едва не взял ее под локоть и вовремя спохватился – это было бы гигантской ошибкой. Особенно если учесть, что продавщица не сводила с нас глаз.

– Я не...

– Уверен, что ваш Костя тут ни при делах. Даже несмотря на его вспыльчивый нрав, – быстро добавил я.

Она покусала губу.

– Покажите удостоверение.

– У меня его нет. С собой по крайней мере.

– Хорошо. Идемте.

Я был готов снова идти в парк, и даже еще раз разыграть сцену с «Александром Семеновичем», но Полина нырнула в двери почты, слегка придержав дверь.

Внутри было просторно, пахло свежими газетами и недавно помытым полом. На большом стекле, отделяющем продавца от посетителей, сверкала всякая всячина от марок до жевательной резинки и батареек. Обложки глянцевого журналов напоздали одна на другую. Пакетики с семенами и ядами от вредителей поблескивали на самых видных местах.

– Можно кофе? – неожиданно спросила Полина, слегка нагнувшись к окошку. Женщина по ту сторону сняла очки, мельком глянула на меня и кивнув скрылась в подсобке.

– Тут кофе продают? – уточнил я. Полина промолчала. Через минуту горячий пластиковый стаканчик просунулся в окошко. В нем медленно растворялись комочки кофейного порошка и сухие сливки.

Мы присели за синий столик у окна, на котором обычно заполняли бланки, извещения и конверты. Нас никто не прогнал. За окном проехала машина и снова стало тихо.

– Я кое-кого ищу в вашем городе, – спохватился я. – Вот этого человека.

Тема на фотографии выглядел по-дурацки, но зато не подозрительно. Полина долго вглядывалась в экран моего телефона, перегнувшись через столик. Взять в руки и посмотреть ближе не решилась.

– Обычный парень. Если и был у нас проездом, то вел себя хорошо. Костя с компанией против него явно ничего не имели.

– Они докладывают, что ли? – усмехнулся я. Но Полина даже не улыбнулась. Только пожала плечами и отвернулась к окну. Я понял, что она сейчас допьет кофе и уйдет.

– Вы мне помогли, – сказал я.

– Правда? Чем же?

– Теперь я знаю, где его точно не нужно искать – в травматологии и в морге.

Полина нахмурилась, а потом медленно кивнула и облизнула губы.

– А, шутите.

Разговор не клеился. Я оглядывался вокруг в поисках того, о чем можно спросить, но почта – не музей потерянных тем для разговоров. Правда, тут почему-то продают кофе.

– Не цепляйтесь к нему, ладно? Он просто глупый. У него старший брат такой же, а Костя повторяет все за ним. Всегда повторял. Я скажу ему, что вы правда полицейский, хотя удостоверение ваше не видела. Но вы тоже постарайтесь ночью в парке не гулять. Тут так не принято.

– Всем не принято?

– Не нашим. Тем, кто из области. Вы же из области?

– Я из столицы.

Последнее я ляпнул не подумав. В моей голове это звучало как-то вроде: «Я с Каллисто – спутника Юпитера», но получилось пафосно и глупо. А чего я ждал? Восхищенных глаз и вопроса бывал ли я в Кремле?

– Приехал учиться, остался работать в конторе, купил однушку в кредит на самой окраине промзоны – два часа до центра. Кроссовки – китайский Сен Лоран и в душе лимита, зато отличаю капкейк от маффина.

Она наконец улыбнулась. Совсем слегка. Но по крайней мере – хороший знак.

– Вы врете. Я сразу чувствую тех, у кого есть деньги и тех, кто врет.

– И кто же я из них?

– Оба.

– И я правда ищу своего друга, – добавил я. – Лучшего друга.

– Он точно не приходил в клуб, – сказала Полина. – Там любой приезжий сразу бросается в глаза. А вообще, – она допила кофе и кинула стаканчик в ведро для пустой упаковки, – вам нужно уезжать. Не задерживайтесь у нас надолго.

– Это из-за Кости и его компании?

– Не только.

Я ждал продолжения фразы, но Полина натянула шапку и начала подниматься из-за столика. Аудиенция окончена.

– Пойдите! – наверное я слишком громко это сказал – Полина вздрогнула и покосилась на женщину за стойкой. Но я не заметил раньше развешенных на стене детских рисунков. Полупрозрачная акварель на искореженной от влаги белой бумаге, прицепленной к стенду старыми кнопками. Широкие мазки кисти оставили рисунки домов с большими окнами, какой-то памятник, флаги в узнаваемом по воротам парке, грустные глаза неизвестных женщин и строгие мужские лица. Аккуратно распечатанный листок сообщал о конкурсе детского рисунка за позапрошлый год. Победитель красовался на самом верху стенда и намекал ровными линиями на помощь со стороны взрослой руки, но он меня не интересовал. Любопытнее был рисунок в самом низу. Два низких дома из красного кирпича с колоннами на фасаде. А над ними темная громада водонапорной башни. Она была нарисована так точно и естественно, словно ребенок рисовал с натуры.

– Что это?

Полина коснулась пальцами желтеющего рисунка.

– Каланча Цапа – детская страшилка. Не слышали? Наверное, такое только у наших есть.

– Она существует? – спросил я.

Полина округлила глаза и повторила медленно как идиоту.

– Детская страшилка. Не думала, что в них еще верят и даже рисуют.

Я хотел оторвать рисунок от стены, но заметил, что женщина наблюдает за нами и аккуратно сфотографировал его. Полина не стала ждать. Я нашел ее на крыльце уже снаружи.

– Спасибо вам еще раз, – сказал я.

– Не за что. Удачи вам с поисками, – она поправляла шапку и следила за тем, как я увеличиваю и рассматриваю фотографию рисунка в телефоне. – Вам правда интересно? Каланча Цапа – дом без окон и без дверей, больше внутри, чем снаружи. Там только лестницы, говорящая плесень и пустые люди в темных комнатах. Оттуда нельзя выбраться. Туда нельзя попасть. Если только не открыть окно, в которое стучат в три часа ночи и одну минуту. И тогда окно откроется прямо туда, внутрь Каланчи Цапы. Суставчатые руки затянут тебя и закроют за тобой окно.

Она все это говорила без улыбки и по памяти, словно вспоминаемый стишок из детства. Я подумал о том, как много вечеров обсуждали это под фонарями покрытые мурашками от вечерней прохлады и страха дети и как много ночей они просыпались от шорохов и молили, чтобы часы не показывали одну минуту четвертого. И Полина не была исключением.

– Я же говорю, вы мне очень помогли.

– Детской страшилкой? – с сомнением покосилась на меня Полина.

– Важно все. Даже это единственное место в городе, где продают кофе.

Полина покусала губу.

– Вам возможно не продадут.

– Потому что я из столицы и кроссовки у меня поддельные?

Она не улыбалась. Смотрела на приоткрытую дверь почты.

– Нет, не поэтому. Она моя мама, – торопливо сказала Полина и добавила. – Только мы не общаемся. Рада, что смогла вам помочь.

И она ушла. Синее пальто еще некоторое время мелькало между стволами деревьев в парке, затем исчезло совсем. Я вернулся в отделение почты. Нашел рисунок и аккуратно перевернул его, стараясь не повредить. Даниил Максимов – значилось на обороте. Школа имени Горького, второй «А».

2

Ближе к обеду, состоявшему из несъедобных, обещавших изжогу круассанов, я вспомнил про лекцию. До нее оставалось четыре часа, а я заранее ненавидел свою группу, надеялся, что никто не придет и понимал, что не знаю ни слова по теме и вряд ли узнаю хоть что-то за оставшееся время. Непедагогично, но так и я не педагог. Через две недели забуду все это как страшный сон и попрошу Артема делать квесты попроще. Совсем отказаться не могу – это как мерзкий горький крепкий кофе, который ненавидишь, но пьешь по утрам, потому что привык.

– Ладно, что там? – сказал я сам себе вслух. Стены с блеклыми обоями ответили глухим эхом. – Литературное мастерство. Писатели хреновы. Наверное, нужно что-то про литературу.

В голове промелькнули кучерявый Пушкин, Гоголь с лоснящимся каре и несколько других бомжеватых классиков с неопрятными бородами. Что я вообще про них знаю? Стишок Маяковского про тучки помню. Может с него и начать? А дальше что? Два часа позора с перерывом на уединенный самопозор.

В университет я отправился с паршивым настроением и уже полузабытым ощущением неудобного беспокойства где-то в районе желудка. Здание встретило меня тишиной и запахом недавно помытого линолеума. Основные занятия давно закончились. По коридорам изредка слонялись запоздавшие лаборанты, гремя ключами и флегматичные заочники. Техничка прошла мимо меня пыхтя и тяжело волоча ведро. Под ее неодобрительным взглядом я прижался ближе к стене и там нашел расписание. Что ж, минут пять на поиск кабинета и столько же на знакомство. Дальше что?

Я поймал себя на мысли, что уж слишком сильно беспокоюсь о работе, которую через две недели с радостью заброшу и укачу обратно в столицу. Можно пропустить еще минутку, делая вид, что перепроверяю номер кабинета. Сто второй – значит первый этаж и, к сожалению, не далеко. Взгляд сполз с расписания на стенд, на котором желтели старые фотографии города, чьи-то серьезные лица с прической на бочок и ссохшиеся как осенние листья от времени приказы.

Ах ты же чертов засранец! На самом верху над списком давно отчисленных и нашедших себе работу студентов контрастно чернела открытка с городом времен моего рождения. На монохромной карточке все те же низкие дома за парком, а над ними Каланча Цапа! Она же старая водонапорная башня, снесенная видимо по чьему-то указанию уже давно, еще в красносоциалистические дни до самого фундамента. Сейчас на этом месте наверняка пустырь и туалет для приبلудных собак, но тут еще целехонькая будущая звезда детских страшилок стремилась к небу, как пузатая ракета. Вот что я должен был тут увидеть! Артем хитрец. Но рано торопиться с выводами. Его квесты обычно куда сложнее чем кажутся. Оглядевшись по сторонам, я снял открытку со старомодной железной кнопки и сунул в карман.

Сто второй действительно был на первом этаже. Но все оказалось несколько сложнее. В большой, хоть и старомодный кабинет со столами полукругом вела узкая незаметная дверь между туалетом и кладовкой. Номера на ней также не оказалось. За дверью слышались приглушенные разговоры и дребезжание телефона. Я вошел и голоса стихли. На меня уставились шесть пар глаз.

– Добрый вечер, – дежурно сказал я, подумав с сожалением, что не захватил даже стопочки черновиков для приличия. С пустыми руками и в застегнутой куртке я выглядел глупо. На всякий случай подождал, пока мои студенты поднимутся. Но никто не шелохнулся. Они тихо сидели на выставленных перед моим столом стульях, держа в руках блокноты и с любопытством и подозрением смотрели на меня.

Шесть. Негусто. Хотя я предпочел бы вообще никого.

– Это все? – уточнил я.

– Крылова опаздывает, – сообщил упитанный студент в белом свитере с такими же белыми мелкими локонами на голове.

– Хорошо. Точнее плохо. Плохо что опаздывает, но хорошо, что ты в курсе. Будешь старостой.

– Я не...

– Не можешь поверить счастью – я понял. Как зовут?

– Илья. Штерн.

Я вспомнил про купленный утром блокнот, извлек его из кармана, тут же получив бонусы к солидности и протянул Штерну.

– Накидай мне список. Всех. А крестиком пометь тех, кто пришел.

Штерн, внутренне негодуя и сопя принялся царапать карандашом мой блокнот. Что ж, начало неплохое. Минут пятнадцать убил.

Кроме недовольного Штерна на меня пялились еще пятеро. Справа девушка с длинными, напрашивающимися на ножницы парикмахера волосами. В списке Штерна она значилась как Лиза. Фамилию прочесть не смог. Рядом с ней сидела то ли Лена то ли Лера – новоиспеченный староста имел неоднозначный почерк. Черное как у Гоголя каре, колющий взгляд ослепительно-белый воротничок под депрессивно-темным жакетом. Я быстро отвел взгляд. Следующий стул оказался пуст, а сразу за ним, вытянув ноги в белых брюках таращился в телефон умудрившийся прилечь на стуле умник. Умника звали Егор. Фамилия мне была не интересна. Высокий парень в свитере с узким горлом был пятым в списке. Он натянул ворот до самого носа и так и сидел, рисуя что-то в блокноте. На свою фамилию Сыч он только отсалютовал кончиками пальцев, по-голливудски мелькнув ими возле виска. Последним был одетый в костюм тройку и очки Леша Окунев. Ниже очков Леша зеленела медицинская маска, а под ней торчал острый кадык.

Зоопарк. Я пробежал глазами по списку еще раз. Слишком быстро завершил переключку. Подбиралось неизбежное время тишка про тучки, но я его, как запоздало подсказала память, знал очень посредственно.

– Простите, – девушка в синем пальто скользнула в аудиторию и заняла свое место на пустом стуле. Полина, кажется. И чему я удивляюсь? В этом городке не миллионы живут. Полина смотрела на меня без интереса поверх приготовленной тетради. Не узнала или делала вид, что не узнала.

– Что вы вообще знаете о литературе? – спросил я, хлопнув блокнотом.

– А вы? – неожиданно спросил Штерн. Я ожидал вопроса с подвохом от мажора, лежащего на стуле, но тот даже не пошевелился. Зато Лиза испуганно округлила глаза, а Сыч усмехнулся в свитер.

– Ну, что-то да знаю, – скрипнул зубами я и взглянул на часы. Быстро припомнил все, чего успел начитаться по дороге от гостиницы с экрана телефона. – Начнем с базы. Вся литературу можно разделить на три категории: лирика, драма и эпос. Но не та драма, которая в одном ряду с комедией и трагедией...

– Мы это знаем, – мягко перебил Штерн. – Это основы литературы. Нам бы другое услышать.

– Эй, наверное, перед тем, что вы называете «другое», неплохо бы повторить базу? – я закипал.

– Из девятого класса? – Штерн закатил глаза. – За что я отдал двадцать тысяч?

Я скользнул взглядом по остальным. Задержался на Полине. Она все еще пребывала в режиме ожидания, положив ногу на ногу и разместив на коленке тетрадь. Кончиком карандаша она постукивала себя по носу.

– Остынь и закройся, Штерн! – подал голос мажор-Егор, не отрываясь от телефона. – И двадцатку себе засунь свою, усек? Профессор, продолжайте.

На секунду я проникся к нему благодарностью, потом с вызовом кивнул.

– Может сам уберешь звонилку?

– Не могу, – мгновенно отозвался он. – Я там конспектирую. А еще меня вот-от бросит девушка, а отец оставит без машины на выходные. События связаны между собой, но в обратном порядке.

Урод. Все уроды.

– Вы литератор? – примирительно спросил Штерн.

– А твое какое дело?

– Хочу знать.

– Нет. Я писатель.

– Знаменитый?

– Очень.

Полчаса. Еще шестьдесят минут нервного трепа, если не задерживаться с перемены. Но я планировал задержаться.

– Про что хотите знать? – спросил я, вдруг внутренне почувствовав себя настоящим писателем, пусть придуманным на пару недель. В крови сразу заиграло превосходство.

К потолку протянулось несколько рук.

– Окунев. Верно назвал?

– Как придумать конфликт?

– Еще кто? Лена Гоголь.

– Я Лера и не Гоголь.

– Да плевать.

Она пожала плечами.

– Расскажите про отрицательную арку персонажа.

– Хорошо. Штерн?

Он смотрел на меня поверх логотипа на своем смартфоне.

– Вы точно писатель? Не могу найти ни одной вашей книги?

– Потому что я писал под псевдонимом, ясно? – я боролся с желанием свернуть ему его короткую шею.

– А каким?

– Так я и сказал. И вроде бы Егор-мажор велел тебе закрыться.

Штерн повел плечом и отложил телефон.

– Вопросы ваши записал. Вот моя почта, – я нацарапал на доске мелом рабочий адрес. – Пришлите мне каждый ваш самый лучший текст. Посмотрю какую муру вы пишете на досуге. Жду до завтра, а на сегодня все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.